

А.В. БАБАЕВА

доктор философских наук, профессор

*Воронежский государственный университет инженерных технологий,
Воронеж, Россия*

УДК 304.2

**РЕАКЦИЯ ЗАМЕЩЕНИЯ ИЛИ ПРОЩАНИЕ С
КУЛЬТУРОЙ СЛОВ**

В статье проводится анализ трансформаций в пространстве культуры, произошедших за последнее десятилетие. Внимание акцентируется на изменениях, произошедших в базовых аксиологических основаниях жизни человека. Отмечается, что если раньше жизнь личности объединяла в себе прошлое, настоящее и будущее, то сейчас мы оказались в мире настоящего, где в "зоны забвения" вытесняются все неприятное, раздражающее, вызывающее негативные воспоминания и переживания.

Современность стала «вращаться вокруг» отдельно взятого человека, его чувств, желаний. Кроме того, наше восприятие, память, эмоции, эстетический вкус оказались под прессом публичных пристрастий, растиражированных медиальными технологиями. Мы оказались в ситуации становления всеохватывающего, бесконечно-го карнавального шоу.

Из множества глобальных изменений автор выделяет, на его взгляд, наиболее существенное: изменения в языковом пространстве. Традиционно именно язык выделялся как точка «стягивания» культурного поля, наделение его неповторимыми чертами. Слова оформляли человеческое Бытие. Рациональность, логичность словопонятий оформляло четкую картину мира и выделяло определенное место человека в нем. Отмечается, что включение новейших технологий в культурный универсум изменили отношение к слову, текстовые сообщения, сущность читателя и автора. Приводятся примеры «абривиатурного взрыва», «падонкафского» сленга, которые представлены в современном Интернет—пространстве. Слова перестали выражать события, «легковестность бытия», безрассудное обращение со словами – стали нормой жизни. Произошло наполнение языкового пространства картинками, которые могут быть наполнены разнообразным смыслом. Изменения в языковом пространстве оказали влияние на процесс понимания. Традиционные формы формирования понимания через рациональную переработку, осознание и эмоциональное переживание вытесняются кратковременной эмоциональной реакцией. Автор видит пример такого "вытеснения" в активном распространении видеороликов—коубов, которые представляют собой короткие, повторяемые отрывки из оригинального видеоряда, на который накладывается новый звукоряд.

Ключевые слова: Культура, трансформации, слово, языковое пространство, субкультура, Интернет

A. V. BABAEVA

*Doctor of Science (Philosophy), professor
Voronezh State University of Engineering Technology*

SUBSTITUTION REACTION OR FAREWELL TO THE CULTURE OF WORDS

The article analyzes the transformations in the cultural space that have occurred over the past decade. Attention is focused on the changes that have occurred in the basic axiological foundations of human life. It is noted that if earlier the life of a person combined the past, present and future, now we find ourselves in the world of the present, where all unpleasant, irritating, causing negative memories and experiences are displaced into the "zones of oblivion".

Modernity began to "revolve around" a single person, his feelings, desires. In addition, our perception, memory, emotions, aesthetic taste were under the pressure of public preferences, replicated by medial technologies. We found ourselves in a situation of becoming an all-encompassing, endless carnival show.

Of the many global changes, the author highlights, in his opinion, the most significant: changes in the language space. Traditionally, it was the language that stood out as a point of "tightening" the cultural field, endowing it with unique features. Words shaped human Existence. Rationality, logic of words-concepts formed a clear picture of the world and highlighted a certain place of a person in it. It is noted that the inclusion of the latest technologies in the cultural universe has changed the attitude to the word, text messages, the essence of the reader and the author. Examples of "abbreviation explosion", "padonkafsky" slang, which are presented in the modern Internet space, are given. Words have ceased to express events, "lightness of being", reckless handling of words - have become the norm of life. There was a filling of the language space with pictures that can be filled with a variety of meanings. Changes in the language space have had an impact on the process of understanding. Traditional forms of understanding formation through rational processing, awareness and emotional experience are being replaced by a short-term emotional reaction. The author sees an example of such "crowding out" in the active distribution of video clips - coubs, which are short, repeated excerpts from the original video sequence, on which a new sound sequence is superimposed.

Keywords: Culture, transformations, word, language space, subculture, Internet

*Мы живем в мире,
смотреть на который
мы еще не научились
М. Оже*

Достаточно банальным стало утверждение о том, что мы живем в эпоху кардинальных перемен, эпоху изменений в культурном пространстве, мире, подвергшимся аксиологическим трансформациям и т.д.. С одной стороны, звучат высказывания о том, что мы оказались во времени тотального изменения в реальности, культуре, человеке. С другой – культура по-прежнему использует веками «наработанные» ценности, модели «сборки» культурного пространства и человека. Если посмотреть на эти два, на первый взгляд, противоречивых высказывания, то можно выделить «зону» их прикосновения, некой культурной «стяжки». Иначе говоря, можно сказать, что современный мир находится во времени цивилизационного перехода, когда старое еще существует, но не удовлетворяет потребности реальности, а новое укореняется сложно и противоречиво. Нахождение «между» это всегда притягательный для исследователя процесс. Именно в эти моменты, на глазах происходят «титанические» разломы—разрывы и на поверхность выходит что-то иное, необычное, а привычные формы наполняются новым содержанием. Культура как маятник качнулась и резко отклонилась в иную от привычных основ сторону и то, что считалось незыблемым, мало изменяемым, трудно принимающим любые инновации, оказалось на переднем плане трансформаций.

И первое, что можно отметить, это изменение в направленности жизни человека. Если раньше жизнь личности объединяла в себе прошлое, настоящее и будущее, то сейчас мы оказались в мире *resentiōri* (от лат. *resens* - настоящее, свежее). Важно не то, что было или будет, важно, то, что происходит/не происходит в данное мгновение здесь, сейчас со мной. Современность стала «вращаться вокруг» отдельно взятого человека, его чувств, желаний. А если они недостаточно четко выражены, существуют многочисленные возможности оказания «помощи» в формировании любых настроений, чувств, переживаний. Наше восприятие, память, эмоции, эстетический вкус оказались под прессом публичных пристрастий, растиражированных медиальными технологиями. Мы знаем, как «красиво» надо смеяться, плакать, радоваться. Какую позу принять перед объективом, чтобы получить наибольшее число лайков. Мы знаем, каким канонам красоты, добра, успеха необходимо соответствовать. А если сомневаемся, то медийное пространство, особенно Интернет, поможет «снять» сомнения. Современный Интернет заполнен (вернее завален) морем фотосессий, видеорядов, фотогалерей, рекламных фотоплакатов. Каждый стремится превзойти другого. И в результате, мы, стремясь сохранить наши эмоции в этом море, получаем «бескачественные продукты, безвкусные полуфабрикаты: запечатленная радость не сохранила себя как радость, а ощущения встреч все-таки куда-то ускользнули» [12; С. 181]. Но вместе с тем, создается иллюзия праздника, где все улыбаются, чему-то восхищаются, радуются. А все

неприятное, раздражающее, вызывающее негативные воспоминания и переживания вытесняется «на периферию», а еще лучше в зону «забвения» или «зону культурного отчуждения» современного общества. Сформировалось пространство «праздника жизни», где принципиально отсутствуют трагедии, старость, смерть. С. Жижек отмечал: «Окончательная истина капиталистической утилитарной бездуховной вселенной состоит в дематериализации самой «реальной жизни», в превращении ее в призрачное шоу» [6; С. 22]. Мы не заметили, как оказались участниками бесконечно сменяющихся «шоу». В современных технологиях нет недостатка в разнообразных предметах, которых помогают человека почувствовать свою причастность к виртуальному празднику. Уже созданы все атрибуты, позволяющие ощутить виртуальный мир, от перчаток с датчиками и обратной связью и до имитации запахов и воздействий внешней среды на тело человека. Подлинная реальность и подлинное Бытие смещаются в виртуальную реальность. Возможно, наиболее ярким выражением современного взгляда на мир можно считать фразу: «Реальность – это *тоже* галлюцинация».

Мир бесконечного карнавального шоу требует своих правил и своего выражения. И тут мы подходим еще к одному фундаментальному процессу реакции замещения: мир слов-текстов превращается в мир знаков-картинок. Мы не заметили, как такие понятия как «культура речи», «культура слова» постепенно исчезли из нашего мировосприятия и, как изменилось само отношение к языку.

Традиционно именно язык выделялся как точка «стягивания» культурного поля, наделение его неповторимыми чертами. Об этом говорили и писали многие. Среди русских «мастеров слова» достаточно часто в Сети встречается высказывание А.И. Куприна: «Язык — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры». Действительно историю человечества можно представить в виде истории слов. Библейская легенда о строителях Вавилонской башни, отражает мечту о понимании Другого, возможности разговора в ином культурном пространстве. Не случайно язык, слово воспринимались как обитель, хранилище смыслов человеческого существования. Слово снимало пелену, раскрывало какие-то важные внутренние механизмы мысли как говорящего, так и слушающего. Не случайно «вначале было Слово. И Слово было у Бога и Слово было – Бог. Все через Него начло быть, и без Него ничего не начало быть. В Нем была жизнь...» (От Иоанна. гл. 1, 1-4).

Рассматривая значимые, отличительные черты культуры мы невольно оказываемся в силовом пространстве слов. В любой культуре всегда существовали границы-запреты употребления слов. Человек говорил, зная о существовании границ-запретов, которые маркировали пространства

употребления тех или иных слов. Всегда были правила, которые определяли, где и как можно было говорить. Язык аристократа и язык простолюдина, официальный язык и любовные признания, список можно продолжать долго, использовали различные слова. Так, Ф. Бродель подчеркивал, что одно и то же занятие могло называться по-разному в зависимости от социальной принадлежности человека: «в 1768 году в Европе говорили, что буржуа имеют слуг (domestiques), люди благородного происхождения - лакеев (laquais), а священники - прислужников (valets)» [4; С. 350]. Слова были связаны с полом и возрастом говорящего. Высказывания мужчин не должны были звучать в женских и детских устах, а мужчины не должны были использовать женские эмоциональные выражения. Жесткий запрет существовал на использование бранных слов, особенно женщинами. Словами еще не перебрасывались, в них вкладывали смысл, искали глубину.

В человеческой цивилизации всегда существовали лакуны, в которых слово было значимым со-бытием. Той самой встречей с Бытием о котором писали Ф.Ницше, М. Хайдеггер, П.Флоренский. Слово не просто звук, а выражение, отражение глубины – Бытия. «Всякое Бытие хочет стать словом, всякое начало хочет научиться говорить» [18; С. 149]. Слова оформляли человеческое Бытие. Рациональность, логичность слов-понятий оформляло четкую картину мира и выделяло определенное место человека в нем. Не случайно в греческой традиции мы встречаем такое внимание к глубинному смыслу, выраженному в слове. Слово еще не соотносилось со знаком, оно было именем (onoma). Имя, которое стремиться выразить реальность, а с другой стороны, за которым реальность скрывается. В этом мире мы не видим разрыва между словом и предметом, словом и поступком. Владея словом, человек овладевал миром. В древнем мире (и не только в период античности) существовало представление, что знание слова-имени дает власть. Называя вещи именами, человек становился их властелином. Не случайно во многих культурах существовала традиция давать человеку несколько имен, которые он получал во время прохождения сложных ритуалов-инициаций. Причем одно из имен было сокровенным, таким, которое знал избранный круг.

В античном мире мы встречаем попытку выйти на новый уровень познания слов-имен. Философия как форма специфического рационального восприятия мира, стремилась понять глубинный смысл слов, найти их сакральную, магическую сущность.

Отношение к слову как к таившему в себе нечто волшебном-магическое, что человек должен почувствовать, можно увидеть у многих мыслителей Древней Греции. Не случайно в диалогах Платона «красной нитью» проходит идея, что важно не просто говорить красиво, более важно понимать глубинный смысл того, что ты говоришь.

В более поздний период у Аристотеля мы встречаем представление о том, что слово порождается движением души. «Высокие» и «низкие» души порождают разные слова. Основную проблему слов Аристотель видел не в том, что слова не могут выразить мысль, а в том, что слова бывают многозначными. «Поскольку при рассуждении невозможно приводить сами предметы и вместо предметов мы пользуемся словами в качестве символов, то мы полагаем, что относящееся к словам относится и к предметам. Но это разные вещи. Ибо число слов ограничено, ограничено и множество речений, предметы же беспредельны по числу. Поэтому неизбежно одно и то же речение и одно и то же слово означают многое» [1; 30-b15]. Избегать ошибок в использовании слов должна помочь аналитика. Аристотель предлагает использовать собственные имена, для того чтобы избежать непонимания многозначности. Однозначность – это *telos* языка. Аристотель признавал, что конкретное слово может иметь много смыслов, но эти смыслы должны быть различны и точно определены. В XX веке мы встречаем такой же взгляд у Ж. Деррида: «Каждый раз, когда полисемия оказывается неустранимой, когда ей даже не обещано какого-то единства смысла, мы оказываемся вне языка. И, следовательно, вне человечества. Тот, кто не подчиняется этому закону... в итоге ничего не говорит» [5; С. 285].

Эпоха "волшебства" слов начинает разрушаться с вытеснением греческой традиции особого внимания к использованию слов. Римская традиция сделала значительный шаг к унификации и обобщению, что привело, в конечном счете, к потере четкости, размыванию смыслов, многозначности. Вероятно, это связано с изменением акцентов в интеллектуальном пространстве римского общества, где стало господствовать правило: *primus vivere, deinde philosophari* (сначала жить, потом философствовать). Философская рефлексия перемещается в учебные заведения, где становится иногда интересным, чаще сложным и непонятным, но совершенно не связанным с реальной жизнью предметом. Интерес к слову размывается по различным специальностям: филология, история, философия... Начинается эра слов-знаков, манипуляции пустыми знаками и случайными означающими. Рассмотренная еще элеатами триада вещь-мысль-слово, начинает превращаться в простое "звуковое представление определенного нервного возбуждения" (Ницше Ф. Воля к власти).

Первая трещина, разделившая сущность и слово, появившаяся в эпоху Рима, превратилась в конце XX века в пропасть. «Язык растолкали в звуки ... приводя бывшую действительность к иллюзии формы и ничтожеству содержания» [16; С. 33].

Произошла не только «эрозия» слова, но и постепенно потерялось умение слушать высказывания, понимать смысл. В конце XX века О.

Аронсон отмечал: «телевидение не располагает к слушанию речевых высказываний. Оно не терпит логических умозаключений и даже минимума абстрактных рассуждений. Оно рассчитано на точечные эмоциональные воздействия» [2; С.3]. Данная модель «понижающей селекции» стала, незаметно для нас, нашей реальностью. Европейская культура прошла извилистый путь от «мастеров слова» до господства «словесной шелухи». Образы-картинки, которые пришли в нашу жизнь вместо слов, не стремятся отразить глубинный смысл, они просто фиксируют некую многозначного того, что вышло из глубины на поверхность.

Чувство что что-то важное европейская культура потеряла, прорывается в творчестве разных мыслителей, которые говорят о трагичности потери. «Все у них говорит, никто уже не умеет понимать. Все падает в воду, ничто уже не опускается в глубокие колодцы.

Все у них говорит, ничто больше не удается и не приводится к концу.

Все у них говорит, все переговаривается. Что еще вчера было слишком твердо для зубов времени, то сегодня висит из нынешних ртов изгрызенным и обглоданным.

Все у них говорит, все разглашается. И что некогда называлось тайной и скрытостью глубинных душ, то нынче является достоянием уличных трубочей...» [9; С. 14]. – писал Ф. Ницше еще до изобретения радио, телевидения, Интернета.

Попытка понять смысл, найти адекватные слова, выражающие глубину смыслов, способствовало разворачиванию философского мышления XX века в новой топике. Интерес к генеалогии и археологии понятий, стало выражением стремления некоего возвращения к слову-имени. Потребность рассмотреть слово не как часть речи, не нечто иногда вторичное в процессе обмена информацией, а как основу воздействия на человека, ярко прослеживается на протяжении всего XX века в философии и лингвистике.

Казалось бы, цифровая цивилизация запустила безграничный процесс общения, а, следовательно, и использования слов-мыслей. Современная жизнь заполнена словами. Но понимают ли нас? Понимаем ли мы сами, что и зачем говорим? На первый взгляд, если мы говорим на одном языке, то прекрасно понимаем друг друга. Но если всмотреться пристально? Слишком много «разрывов» возникает в современном мире: между поколениями, между столицей и провинцией, между «верхом и низом», между владеющими информацией и не владеющими, так называемыми «новыми бедными». У нас не только разные темы разговоров, не только разный словарный запас, сленг, но и разные коды, позволяющие «узнавать» и понимать сказанное. В свое время Ю.М. Лотман писал, что «общение с собеседником возможно лишь при наличии некоторой общей с ним

памяти» [8; С.103]. Но не может быть одинаковой память о событиях у людей, воспитанных в пространстве культуры слов и пространстве картинок-знаков. У таких групп разные «коды» нахождения смыслов и в результате воспринимается разный смысл. Кроме того, понимание – умение не только рационально переработать, осознать, но и эмоционально пережить. Современный мир развивает эмоциональную глухоту. В мире, где ежесекундно что-то происходит и «ты должен успеть...» эмоциональные переживания становятся роскошью, на которую не остается времени и сил. Море звуков как волны накрыли современного «глобального» человека. Мы говорим, болтаем, вступаем в коммуникации и перестаем замечать, что смысл исчезает, «размывается» тотальным говорением. Слово как разменная монета теряет ценность и свою значимость. «Тщетны прекрасные взлеты мысли: Бог, Универсум, Теория, практика, Субъект, Объект, Тело, Дух, Смысл, Ничто – всего этого не существует. Все лишь словеса для юнцов, для профанов, для клерикалов да социологов. В мышлении нашем больше не осталось и бледного следа от былого взлетов понятий и прежних экстазов понимания» [15; С. 7].

Включение новейших технологий в культурный универсум изменили отношение к слову, текстовые сообщения, сущность читателя и автора. Из нашей жизни постепенно «вымываются» такие феномены как метафора, загадка, иносказание, намек. Слово-мысль разбилась на множество осколков без-смысленных звуков и знаков. «Произошла эрозия слова, когда слова истлели или испарились» [13; С. 150]. Все больше и больше банальных фраз и нелепых высказываний в нашей жизни. Мы стали нормально воспринимать, такие высказывания и надписи как: «хаюшки, ну начнем что-ли эфирчик», «фейл года», «радостное кипение воды», продуктовый магазин с названием «последний ужин», салон электроники «радиация», шоколад молочный "Поминальный", курьерская служба "Черепаша", плакат "Добро пожаловать" при входе на кладбище, название книги «итальянский без слов» и т.п; Мы перестали замечать как на первый план вышли алогичные понятия, которые не имеют никакого смысла. Происходит тотальная игра по привлечению/завлечению потребителей/покупателей, а какими способами уже не важно. Как отмечал Ж. Бодрийяр: «В сердце нашего универсума знаков — вредный рекламный агент, джинн гласности, обманщик, который объединил буффонаду торговли с собственной инсценировкой» [3; С.]

Но этого оказалось мало. В настоящее время мы можем наблюдать процесс активной реакции замещения слов. Сеть захлестнул «аббревиатурный взрыв». Стало нормой такие сокращения как: ЛС – личное сообщение, оч. – очень, ДР – день рождения, мб – может быть, СПС – спасибо, нзч

– не за что, КМК - как мне кажется, Пжлст - (Пожалуйста) т. д. Кроме того, все чаще появляются еще более странные «минотавры» где объединяют цифру и слог или одна буква и цифра могут заменить все слово. Например: 4ас (час); 4то (что); о5 (опять), 7я (семья) и т.д. [14; С. 787]. С одной стороны, использование таких «минотавров» оправдывают «нехваткой времени». С другой стороны - знание и умение пользоваться такими «сокращениями-минотаврами» (в статьях филологов встречается название «кентавры», но по моему мнению образ минотавра более соответствует таким образованиям) становится «дверью», позволяющей человеку «войти», «стать своим» в пространстве современной культуры. И мы не задумываемся, что в результате теряем логику, рациональное понимание. Рождается новая «подлинная реальность».

Можно отметить появление еще одного интересного явления — пародии на неграмотное письмо. Пользователи всемирной паутины как будто специально протестуют против правил русской орфографии: «афтар», «изи», «фолловить», «креатиф», «харашо», «ашыбка». Примечательно, что неправильные написания уже адаптированы интернет-языком, есть специальные сайты, где используется только этот язык (например, сайт udaff.com). В Википедии, электронных словарях и энциклопедиях приводятся толкования таких слов, данные слова относят к «падонкафскому» сленгу. Сленг породил множество стереотипных выражений и интернет-мемов, в частности, с ним связывают мемы «превед», «низачот» и «убейся апстену». Это подается как один из вариантов современной молодежной субкультуры. Но существование такого языка мы встречаем не только в Сети. На языке падонков начали разговаривать персонажи книг, да и книги могут иметь такие названия. Например, роман Виктора Пелевина «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре», созданный по заказу британского издательства «Canongate» в рамках международного проекта «Мифы» и изданный в 2005 году сотысячным тиражом. Художественная литература как вызов? Или желание «соответствовать» моде, стать кумиром не одного дня? Сложно сказать, но данная тенденция - яркое отражение реакции замещения.

Отсутствие пунктуации в сообщениях, обрывочность сообщений, использование шаблонов, использование англоязычных слов в системе «как слышу, так и пишу» — взрывает языковое пространство. Все чаще и чаще аргументация заменяется презентацией, в которой материал преподносится зрителю как рассказ, в который можно поверить либо не поверить. Восприятия такого текста становится актом веры.

Текст, как и многие культурные формы в современном мире, приобретает краткий срок существования. В современном культурном пространстве любое явление достаточно быстро устаревает и на смену приходит

новое, которое также быстро сменяется еще одним и т. д. Не случайно у многих исследователей отмечается, что императивом современности можно считать одноразовость и бесконечную сменяемость. Постоянный калейдоскоп отрывочных картинок—сообщений — еще одна черта современной культуры. И мы забыли, что слово-обоюдоострый меч, который может убить: «за словом должно быть что-нибудь, пожар или наводнение, ужас или радость» [11; С. 75].

Так трудно подобрать слова, которые адекватно смогут выразить мысль. Да и сохранилась ли в нас еще умение мыслить, искать смысл? Современный мир «фактически налагает запрет на акты промысливания» [14; С. 149]. В современности происходит тотальное сужение зон, лакун, пространств «тиши различия», где возможно "раз—мышление". Мы не только не умеем думать, мы боимся это делать. «Все наши мысли чужие. Потому что сосредоточиться невозможно. Просто сесть и подумать — не получается» [10; С. 28]. Не случайно в последние годы исследователи отмечают появление новых фобий, среди которых выделяют фобию тишины. Общество погружается в звуко-голизм. В свое время Р. Барт отмечал появление «загрязненного слуха», выделяя возрастание музыкального террора. Современный мир уже не мыслит свое существование вне данного вида террора. Со-бытие потерялось в гамоне звуков. Слова перестали выражать события, «легковестность бытия», безрассудное обращение со словами — стали нормой жизни. Знак-картинка формируют мир многозначности и неопределенности, возвращая архаические пласты культуры. Знак, символ, картинка всегда играли «роль как бы моста из рационального мира в мистический» [8; С.167]. Реакция замещения активизировала процессы примитивизации и усиления мистического в жизни современной цифровой цивилизации. Идея «блага» экономии времени уже сформировала привычку не искать адекватных слов, а выбрать необходимый для отражения эмоции смайлик. Философский текст в комиксах пролистать легче, чем прочитать авторский текст, который требует делать это неторопливо, вдумчиво. Опыт работы со словом при чтении мы заменяем поверхностным просмотром-пролистыванием текстов. Обсуждение текстов, идей, оценка информации заменяются отметкой в бинарной системе «нравится-не нравится» или каким-либо знаком-смайликом-картинкой. И у нас уже привычным стало, например, использовать знак звезды при оценке как качества, так и уровня сложности. Виртуальное пространство предлагает множество зон, где можно использовать картинки вместо слов». Реакция пользователей на медико-событие чаще всего выражается не письменным сообщением, а коротким видеороликом—коубом. Его особенность в использовании доста-

точно короткого, повторяемого («зацикленного») отрывка оригинального видеоряда, на который накладывается новый звукоряд.

Карнавал знаков — правит бал настоящего. В уже далеком XX веке Э. Кассирер отмечал, что «в языке африканского племени нту есть только две глагольные формы: сегодня и не-сегодня» [7; С. 272]. Пространство Интернета вернуло человека в это состояние кратковременного «сейчас» и «не сегодня»

Реакции замещения запущены. И мы становимся наблюдателями процесса перекодирования мира по модели двоичного кода online, в котором существуют только два слова — 0 и 1, «есть сигнал» и «нет сигнала».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика./ Аристотель Сочинения в 4 т. Т.1. М.: Мысль, 1975- 550 с.
2. Аронсон О. Анонимность — закон телевидения// Искусство кино. 1997. № 4
3. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. – М.:Рипол Классик, 2019 -348 с.
4. Бродель Ф. Структуры повседневности. - М.,1986. - Т. 1- 250с.
5. Деррида Ж. Поля философии. М: Академический проект, 2012 – 376 с.
6. Жижек С.Добро пожаловать в пустыню реального. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с
7. Кассирер Э. Философия символических форм. Т.1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.- 271 с.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. –СПб: Азбука,2016- 448 с.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. –Ницше Ф. Собр. соч. в 2 томах – М.: Наука, 1990 Т.1.-830 с.
- 10.Паланик Ч. Колыбельная— М.: из-во АСТ, 2019. -320 с.
- 11.Розанов В.В. Опавшие листья. - СПб.;; Азбука-классика, 2011.- 398 с.
- 12.Секацкий А. Щит философа— СПб.:Азбука—классика, 2016.-442 с.
13. Сергев А.М., Соколов Б.Г. Разрыв повседневности. – СПб.: Алетей, 2015-257 с.
- 14.Скатеренко А.Е.Сокращение слов как тенденция современного общества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11-4. – С. 786-788;
- 15.Слотердаик П. Критика циничного разума – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ, 2009 – 800с.
16. Сухачев В.Ю. "Несвоевременная" философия. – СПб.: из-во СПбГУ, 2014 . -191 с.
17. Флоренский П.А. Имена/ Малое собр. соч. Вып.1. Имена. - М.: Купина, 1993. - 319 с.
- 18.Хайдеггер М. Введение в метафизику. –СПб.: НОУ «Высшая религиозно-философская школа», 1998 – 302 с.

REFERENCES

1. Aristotle. Metaphysics./ Aristotle Works in 4 volumes vol. 1. М.: Mysl, 1975. - 550p.
2. Aronson O. Anonymity is the law of television// The Art of Cinema. 1997. № 4
3. Baudrillard J. A perfect crime. The conspiracy of art. - Moscow: Ripoll Classic, 2019- 348 p.
4. Braudel, F. the Structures of everyday life. - М.,1986. - Vol. 1 -250 p.

5. Derrida, J. the Field of philosophy. M: Academic project, 2012-376 p.
6. Zizek S.L. Welcome to the desert of the real. - Moscow: Foundation "Pragmatics of Culture", 2002-160 p.
7. Kassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form. T.1. YAzyk. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2002.- 271 p.
8. Lotman Yu.M. Inside the thinking worlds. -St. Petersburg: ABC, 2016. -448 p.
9. Nietzsche, F. thus spoke Zarathustra. –Nietzsche, F. Coll. CIT. in 2 volumes – M.: Science, 1990, vol.1 -830 p.
10. Palanik Ch . Lullaby M.: AST, 2019. -320 p.
11. Rozanov V. V. Fallen leaves. - Petersburg.;; Azbuka-Klassika, 2011/ - 398 p.
12. Sekatsky A. Shield of the philosopher- St. Petersburg.:ABC-classics? 2016/ - 442 p.
13. Sergiev, A. M., Sokolov B. G. Tear of everyday life. – SPb.: Aleteya, 2015. -257 p.
14. Skaterenko A.E. Word reduction as a trend of modern society // International Journal of Applied and Fundamental Research 2016. – № 11-4. – С. 786-788
15. Sloterdijk P. Criticism of the cynical Mind.. - Yekaterinburg: U-Factoriya, Moscow: AST, 2009 – 800 p.
16. Sukhachev V. Y. "Late" philosophy. – SPb.: of St. Petersburg state University, 2014 . -191 p.
17. Florensky P. A. the Names/ Small works. Op. Vol.1. Names. - M. Bush, 1993. - 319 p.
18. Heidegger M. Introduction to Metaphysics - St. Petersburg: NOU "Higher Religious and Philosophical School", 1998 - 302 p.